

даря победам Юстиниана вновь украсились отечественными законами, а варвары приобщились к римской цивилизации.

Агафий верит в силу римского оружия, его увлекает описание не доблестей предков, а подвигов современников. Горделивое восхищение вызывает у него, например, победа византийцев в Италии над полчищами франков и аллеманов в кровопролитнейшем сражении на берегах Касилиана, когда волны реки окрасились кровью варваров³⁰.

Агафий выносит оправдательный вердикт внешней политике Юстиниана на Западе, поскольку он считает, что войны этого императора не сопровождалась завоеванием и порабощением чужеземных народов, а велись для защиты владений римлян от грозного натиска варваров. В этом аспекте историк сравнивает их с борьбой греков за независимость и свободу против персов. В связи с этим автор высказывает свои общие суждения о войнах. Если цель войны столь возвышенна и справедлива, как защита родины и борьба за свободу, то воюющей стороне сопутствует счастье; если же они порождены жаждой наживы, неблагоразумием и несправедливостью и несут с собой бедствия народам, то они губительны и для самих зачинщиков³¹.

Подобная оценка войн Юстиниана на Западе особенно знаменательна, если учесть, что Агафию не чужды пацифистские идеи. Он ненавидит войны и с потрясающей ясностью видит их губительные последствия для народов. Для него войны — порождение зла, выражение самых низменных проявлений человеческой природы, а отнюдь не осуществление воли божества. «И божество, как я думаю, нельзя считать причиной убийств и сражений. Я и сам бы не сказал и не поверил никому, утверждающему, что высшее благо, изгоняющее всякое зло, радуется сражениям и войнам. Души людей добровольно впадают в корыстолюбие и несправедливость и наполняют все войнами и смятением, и отсюда происходят многие бедствия и гибель народов и порождаются бесчисленные другие несчастья»³².

Прославляя победы византийского оружия на Западе, Агафий несколько по-иному оценивает войны Юстиниана в Восточном Средиземноморье. Хотя и здесь он ищет оправдания войн Юстиниана в защите лазов от персов, но вместе с тем он сознает справедливость стремления туземных народов к независимости и губительность грабительской политики полководцев и чиновников империи³³.

Итак, по мнению Агафия, просчеты Юстиниана в его внешней политике состояли отнюдь не в том, что он вел широкие завоевания на западе или защищал границы государства на востоке, а в том, что он не смог до конца осуществить свои грандиозные планы и полностью восстановить былое могущество Римской империи.

Отсюда во многом проистекает отрицательная оценка Агафием внутренней политики Юстиниана, особенно в конце его царствования. Последний период правления Юстиниана характеризуется общим упадком империи, вызванным тем, что император к этому времени состарился, фактически отошел от руководства государственными делами, перестал контролировать администрацию³⁴. Агафий резко порицает правителя за неудачную внутреннюю политику этого времени, за грабежи чиновников как в самой Византии, так и в завоеванных странах. Историк отнюдь не скрывает пороков современного ему общества. Он, как и Прокопий, описывает

³⁰ A g a t h., Hist., II, 4—10.

³¹ Ibid., II, 10. М. В. Левченко, на наш взгляд, несколько модернизирует взгляды Агафия на характер войн Юстиниана и приписывает ему современное нам представление о войнах «справедливых и несправедливых» (М. В. Л е в ч е н к о. Агафий и его мировоззрение, в кн.: А г а ф и й. О царствовании Юстиниана. М.—Л., 1953, стр. 188—189).

³² A g a t h., Hist., I, 1.

³³ Ibid., III, 2—8; IV, 13—23.

³⁴ Ibid., V, 14.